Беда

Автор:
Гэри Шмидт

Беда

Гэри Шмидт

Бывает так, что от Беды не защитят ни высокие стены, ни любящие родители. И тогда Беда испытывает тебя на прочность. Книга Гэри Шмидта – это захватывающая история одного увлекательного и опасного путешествия, которое начинается с большой трагедии, а заканчивается примирением со своим врагом и с самим собой. Герой проходит длинный путь от боли и ярости к ощущению свободы и счастья, от скалистого побережья и холодных приливов – к горной вершине Катадин.

Гэри Шмидт

Беда

Gary D. Schmidt

Trouble

Публикуется с особого разрешения Clarion Books, торгового наименования издательства Houghton MifflinHarcourt Publishing Company

Copyright © 2008 by Gary D. Schmidt

© Бабков В., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Розовый жираф», 2014

Издательство «4-я улица» ®, издание на русском языке, оформление

* * *

Дорогой Марджори Нотон – с сердечной благодарностью.

1.

Отец Генри Смита всегда говорил ему: если ты построишь свой дом подальше от Беды, она никогда тебя не найдет.

Вот и сами Смиты жили там, где жили их предки уже добрых триста лет, в месте, далеком от Беды, – в Блайтбери-на-море, где атлантические течения отдают побережью Массачусетса свое последнее южное тепло, прежде чем направиться к холодным гранитным берегам Мэна. Из створчатых окон своей спальни Генри видел подернутые барашками волны, а в солнечный день – тогда казалось, что вся его жизнь состоит только из солнечных дней, – можно было распахнуть застекленные двери, выйти на каменный балкон, и сверкающая гладь простиралась перед глазами до самого горизонта. Первым словом Генри было «синий». Первым вкусом, который он помнил, был вкус соленой воды. Первым по-настоящему ценным рождественским подарком был каяк, и в то же утро Генри отнес его на море, потому что оно и не думало волноваться – ведь Беда была далеко-далеко от них.

Дом Генри Смита, построенный в 1678 году его предками-купцами, стоял на высоком каменистом берегу и не боялся бурь, штормов и ураганов, порой налетающих с северо-востока. Его деревянные опоры были все такими же прямыми, как в тот день, когда их вытесали, и, проводя рукой по огромным

дубовым брусьям, на которые был настелен пол, Генри чувствовал зазубрины – давнишние следы топора. Полтора века дом перестраивали, достраивали и снова перестраивали, и так, под крышей из тяжелого темного шифера, в нем появились три лестницы, ведущие на второй и третий этажи, а потом еще и четвертая – она упиралась в глухую стену, где когда-то была дверь. В любом из восьми каминов этого дома Генри мог встать во весь рост, а у одного рядом с очагом была крошечная каморка, спрятанная за потайной панелью в чуланчике для дров. Генри, его брат Франклин и сестра Луиза частенько залезали туда зимой, потому что там всегда было тепло. Половицы на первом этаже были сосновые, широкие, на втором и третьем – дубовые, еще шире, в кухне и кладовках за ней пол был каменный, а в гостиных – из итальянской плитки желто-коричневого цвета.

В северной гостиной стояла азиатская лакированная мебель, в девятнадцатом веке привезенная морем из Гонконга и Сингапура. Южную украшала коллекция французских импрессионистов, в том числе две картины Ван Гога и одна, маленькая, – Ренуара. В холле первого этажа хранился целый арсенал кремневых мушкетов времен Войны за независимость, из которых и теперь можно было стрелять, – Смиты одалживали их Историческому обществу Блайтбери-на-море для выставок на Четвертое июля. Целых две полки в библиотеке занимали средневековые молитвенники с красно-золотыми надписями «Ad usum…», такими яркими, словно их только что вывели под бдительным надзором святых, наблюдающих за писцом с обшитых темными панелями стен. Генри с отцом иногда читали эти надписи: «для пользования» в таком-то аббатстве, «для пользования» в таком-то монастыре, «для пользования» в таком-то суде, – а потом смотрели на красно-золотой закат. «Этот дом простоит до конца света», – благоговейно говорил отец Генри.

И Генри ему верил.

Блайтбери-на-море постепенно вырос вокруг дома Смитов. Теперь все, кто жил в этом городке, работали в других местах. По будням люди в темных костюмах садились в блестящие иностранные машины и отправлялись в деловой центр Бостона – отец Генри ехал в свою солидную и уважаемую бухгалтерскую фирму, – а к ужину возвращались домой, радуясь, что сбежали от шумной толкотни большого города. По воскресеньям Смиты всей семьей ходили в епископальную церковь Святой Анны – у них была там своя скамья, закрепленная за ними с 1680 года, – а вечером совершали долгие прогулки под развесистыми кленами в Тауншенд-парке, или ехали в Нью-Гемпшир покупать

кленовый сироп, или, если позволяла погода, спускались в Бухту спасения – эта длинная полоса идеально белого песка с огромными черными утесами находилась прямо под их домом. Местные путеводители называли ее самым красивым частным пляжем Северного берега[1 - Пригородный район Бостона. – Здесь и далее примеч. пер.]. Глядя на нее из окон библиотеки, Генри не мог с ними не согласиться.

Каждый понедельник рано утром Франклин с Луизой уезжали в Подготовительную школу[2 - Подготовительная школа – дорогостоящая частная школа, где готовят к поступлению в колледж.] имени Генри Уодсворта Лонгфелло – где никто не носил форму. Через полчаса родители отвозили Генри в Среднюю школу имени Джона Гринлифа Уитьера – где все ученики седьмых и восьмых классов ходили в белых рубашках, голубых пиджаках, красно-белых галстуках (цвета? школы), темно-зеленых брюках, черных носках, черных туфлях и – кроме шуток – в красно-белых трусах. Обе школы, Лонгфелло и Уитьера, были старые, из обожженного кирпича, и чуть ли не все их ученики носили настолько древние англосаксонские имена, что любое из них сразу узнал бы даже Ричард Львиное Сердце. Осенью и зимой они играли в регби, а весной переходили на командную греблю.

Никого не удивляло, что Генри, неважный регбист, любил весну гораздо больше осени, особенно потому, что он и не мечтал побить те рекорды, которыми Франклин – тот самый, единственный и неповторимый Франклин Смит – украсил почетную доску спортивных достижений школы в этом виде спорта.

О чем Франклин напоминал Генри всякий раз, когда снисходил до того, чтобы его заметить.

Блайтбери-на-море был из тех городков, где под сенью дубов и кленов стоят каменные, кирпичные и деревянные дома, которые повидали очень много новоанглийских зим и пока еще, слава богу, вполне крепки. Их чинные, опрятные окна смотрели на Главную улицу с узкой двухполосной мостовой – петляя, она бежала в центр города, куда туристы из Бостона и Нью-Йорка приезжали специально для того, чтобы побродить по букинистическим и антикварным лавкам и магазинчикам, торгующим деликатесами, модной одеждой и причудливыми кустарными украшениями. Изредка перед этими магазинчиками неспешно проходил один из двух городских полицейских – время от времени он останавливался и подбирал бумажку или другой мелкий мусор, оброненный кем-нибудь из приезжих.

И больше эти служители закона почти ничего не делали, потому что Блайтбери-на-море был городком, который Беда попросту не могла найти.

Хотя, конечно, пыталась.

Прошлой осенью Франклин сильно растянул на тренировке лодыжку, и на первенство Восточной зоны по регби команда отправилась без него. По этому поводу весь ученический состав школы Лонгфелло погрузился в траур. Повреждение было таким серьезным, что Франклин даже не мог сам водить машину, и его с Луизой отвозила на уроки миссис Смит. Все в школе Лонгфелло думали, что миссис Смит взяла на себя эту обязанность, поскольку Луиза – у нее ведь тоже были водительские права – очень уж расстроилась из-за Франклина и первенства Восточной зоны. Однако на самом деле это объяснялось тем, что Луиза была ужасным, никуда не годным водителем и приходила в полную растерянность перед светофорами, дорожными знаками и на перекрестках. Миссис Смит сказала, что ее ни в коем случае нельзя пускать за руль БМВ – а уж «фиата» и подавно!

Четыре раза Франклина с его лодыжкой возили в Массачусетскую больницу в Бостоне, и врачи предупредили, что из-за этой травмы он будет хромать еще довольно долго. Но Франклин все-таки приехал в автобусе своей школы в Фоксборо и дотащился до поля на костылях, чтобы увидеть, как Луиза в третий раз выступит в финальном кроссе Чемпионата штата – и займет первое место, хотя до выпуска ей еще больше года. А потом он поехал в автобусе школы Уитьера на районные соревнования по регби в Дирфилде – учителя посадили его в автобус с почестями, потому что он был их звездный выпускник, – и там Кенилуорт разгромил Уитьер с таким счетом, что Генри потом старался об этом забыть, но Франклин ему не позволил. Ко Дню благодарения[3 - Праздник в честь первых колонистов Массачусетса, который отмечают в США в четвертый четверг ноября.] Франклин решил отказаться от костылей. К Рождеству тот, кто не знал о его травме, не заметил бы никакой хромоты. А к первой январской оттепели он уже снова пробегал по пять миль в день, и обитатели каменных, кирпичных и деревянных домов аплодировали ему вслед.

Кстати сказать, на первенстве Восточной зоны Лонгфелло победила и без него, чему Франклин был в целом рад.

Беда…

Позапрошлым летом Генри сорвался, когда лазил по черным утесам в Бухте спасения, прямо под своим родным домом. Пролететь ему пришлось немало – футов десять-двенадцать. Если бы он упал чуть правее, то грохнулся бы на острые камни и сильно поранился. Чуть левее – и угодил бы на скалу, облепленную мидиями, которые были еще острее и располосовали бы его еще хуже. Но он плюхнулся прямо между ними в спокойную воду, и прилив мягко вынес его обратно на берег.

В тот день за ужином Франклин сказал, что пришла пора научить Генри лазить по скалам. Он покажет ему, как цепляться руками и находить опору для ног. Покажет, как проверять надежность выступов и засовывать кулак в расщелины, чтобы использовать его вместо якоря. И может быть, если Генри проявит себя молодцом, он возьмет его с собой на Катадин[4 - Самая высокая гора в штате Мэн (1607 м).]. Может, они даже пройдут через Ворота до самого Лезвия Ножа. «Там есть на что посмотреть, братишка», – сказал он и благодушно потрепал Генри волосы.

Генри чуть не упал ниц и не пропел ему осанну.

А их отец снова повторил: «Если построишь свой дом подальше от Беды, она никогда тебя не найдет».

Вот почему Генри не был готов к ней вечером в свой четырнадцатый день рождения, когда подтягивал лямки рюкзака, полученного в подарок от родителей, чтобы показать Франклину, как хорошо он подготовился к пешему походу на Катадин, потому что Франклин наконец – наконец-то! – согласился его туда взять, хоть и предупредил Генри, что у него ничего не выйдет, что он выдохнется на полпути к вершине, что им придется повернуть назад, что он берет его только потому, что отец просил его взять с собой младшего брата – у которого, снова повторил Франклин, все равно ничего не выйдет.

В тот вечер, глядя из окна северной гостиной – родители стояли у него за спиной, придерживая занавески, – Генри не мог понять, почему единственный патрульный автомобиль в городе медленно едет по аллее, направляясь к их дому. Весна выдалась холоднее обычного и листья на деревьях пока не распустились, так что ему было отлично видно, как вертится красная лампочка на крыше машины, расплескивая огонь на еще почти голые дубы и клены. Втроем они вышли в темный сад за домом – темный, потому что луна еще не

встала и небо было беззвездным. Красный луч ударил прямо в них, и когда Генри посмотрел на лица родителей, они показались ему залитыми кровью.

Таким же он увидел и лицо брата, когда они приехали в больницу.

Красные пятна на его мертвенно-белой коже выглядели жутко: великолепный загар, которым всегда отличался Франклин, исчез без следа, уступив место этой страшной бледности. Мать Генри замерла у изножья кровати, вцепившись в ее алюминиевую спинку и глядя на сына широко раскрытыми, немигающими глазами. Отец стоял рядом – прямой, напряженный, руки подняты к лицу. Оба не сняли плащей. И оба молчали.

Генри присел к брату на кровать. На лице Франклина была прозрачная пластиковая маска, и он дышал через прозрачную пластиковую трубку, которая уходила куда-то за его голову. Его глаза, распухшие и в синяках, были закрыты. Правая рука, белая и неподвижная, аккуратно лежала вдоль тела, поверх простыни. Из сгиба локтя выныривала еще одна прозрачная пластиковая трубка. На ногтях запеклась кровь. Сначала Генри подумал, что другая рука спрятана под простыней. Но ее там не было. Ее вообще не было.

Около маски, закрывающей рот Франклина, блестела струйка слюны. Генри поднял руку, чтобы ее вытереть.

– Не трогай, – сказал отец.

Мать тихонько застонала.

В тот вечер Генри долго сидел на кровати брата, пока родители приходили и уходили, приходили и уходили: надо было говорить с врачами и принимать медицинские решения. «Сделаем еще одну сканограмму мозга, пока состояние стабильное», – сказал доктор Бертон. «Сначала снимем лишнее давление, потом определим, насколько сильно он пострадал», – сказал доктор Джайлз. Были двое городских полицейских: они официально уведомили Смитов о том, что водитель машины, которая сбила их сына во время бега трусцой, уже арестован.

Франклин никогда не бегал трусцой, подумал Генри. Он бегал по-настоящему.

Был отец Бревуд, который достаточно повидал на своем веку и потому ограничился молитвой. А еще был репортер из «Блайтбери кроникл», который почуял, что может раздобыть материал поинтересней счета последнего матча по регби, и успел проскользнуть в палату Франклина и сделать пару фотографий, прежде чем двое полицейских вывели его оттуда под руки и запихнули в лифт.

Когда сработала репортерская вспышка, Франклин открыл глаза. Но он не моргнул. Он смотрел прямо вперед – неподвижно, сосредоточенно. На что он смотрит? – подумал Генри. Он поводил рукой у Франклина перед глазами, но взгляд брата был сфокусирован на чем-то за его пальцами, как будто он видел сквозь них.

– Франклин, – сказал Генри.

Глаза брата закрылись.

Поздно ночью, когда ждать было уже нечего, родители Генри решили вернуться домой. Когда приезжали полицейские, Луиза еще не вернулась; ей до сих пор никто ничего не сказал. Родители попытались увести с собой и Генри. «Сегодня мы больше ничего не можем сделать», – сказала мать.

Генри пропустил это мимо ушей.

Раньше он никогда не пропускал мимо ушей слова матери.

После долгого-долгого молчания родители ушли. Генри остался сидеть у Франклина на кровати.

Холод. Тихо гудит лампа на потолке, погромыхивает и клацает дверьми лифт. Пахнет антисептиком, чистыми простынями, повязками, но сквозь эти запахи пробивается едва заметный гниловатый душок. Снаружи доносятся шаги медсестры – она обходит почти пустые коридоры с уверенностью человека, знающего, что весь мир спит и его нельзя будить.

Генри охватило странное спокойствие… и чувство вины за это спокойствие. Но в палате было сумрачно, и его брат лежал абсолютно тихо. Он слышал, как Франклин дышит – ритм его дыханию задавал аппарат, который беззвучно

работал за изголовьем.

В единственном окне палаты отражалась лампа, горевшая над кроватью, – это мешало видеть, что творится за стенами больницы. Иногда Генри подходил к окну и прижимался лбом к холодному стеклу, чтобы выглянуть на улицу. С течением времени он стал делать это все чаще и чаще. Ему нужно было напоминать себе, что эта комната – не весь мир.

Перед самым рассветом пришла медсестра сменить повязку на культе.

– Может, выйдешь на минутку? – спросила она.

Генри покачал головой. Он хотел остаться. Хотел видеть все.

– Я бы на твоем месте вышла, – сказала сестра.

Она вывела его в коридор и дальше, за угол, а там усадила на кожаное кресло у дежурного поста. Он оперся затылком о стену и закрыл глаза.

И увидел, как они с братом, подтягивая на плечах рюкзаки, шагают через Ворота и все выше, выше, прямо к Лезвию Ножа, и Франклин оборачивается к нему и говорит: «Я знал, что ты сможешь. С самого начала знал», – и Генри кивает, потому что тут и не надо ничего отвечать.

На следующее утро, придя в больницу, родители нашли Генри спящим в кожаном кресле. Одна из сестер укрыла его куцым полосатым одеялом, и он съежился, пытаясь спрятаться под него целиком.

Они разбудили его и вместе вернулись в палату к Франклину. Там ничего не изменилось. Франклин лежит неподвижно. Те же прозрачная пластиковая маска и трубки. Его глаза закрыты. Дышит по-прежнему в такт с бесшумно работающим аппаратом. Заново перевязанная культя уже с пятном на конце. Генри показалось, он чувствует запах того, что испачкало повязку.

Разве только одно было по-другому: взошло солнце, и Генри видел, что делается за окном.

И его отец не побрился – такого, подумал Генри, не бывало еще никогда.

Луиза плохо перенесла известие, сказали ему родители. Когда они вернулись домой, она ждала их, держа в руках короткую записку, которую мать оставила для нее на кухне. Они сообщили ей, что случилось. Сказали, что Франклину отняли руку. Что у него отек мозга и врачи стараются лекарствами снизить давление. Что после этого будет проведено более тщательное обследование. Что надо изо всех сил надеяться на лучшее.

Тут Луиза уронила записку на каменный пол и бросилась наверх, в свою комнату.

Они слышали ее всю ночь, но она так и не открыла им дверь.

Не открыла она ее и утром, когда они уходили.

Мать взяла Генри за плечи и притянула к себе. Он не помнил, когда еще она так крепко его обнимала. И когда еще отец – который снова закрыл глаза и поднял руки к лицу – выглядел таким… пустым – как будто его душа покинула тело, и тело понимало, что она уже никогда не вернется назад.

Так они стояли втроем у изножья кровати, на которой тихо лежал Франклин. Такими их застал отец Бревуд. Так они продолжали стоять, пока он читал псалом: «В день скорби моей ищу Господа; рука моя простерта ночью и не опускается». Но когда он перешел к молитве: «Взгляни на раба твоего, Франклина Смита», – в животе у Генри заурчало. Громко. Потом очень громко.

– Простите, – сказал Генри, когда отец Бревуд закончил.

– Что бы ни случилось, дела мирские всегда требуют внимания, – ответил отец Бревуд.

Генри спустился в больничный кафетерий, чтобы перехватить чего-нибудь на завтрак. Там тоже было тихо, и от вымытого шваброй пола слегка пахло дезинфицирующим средством, точно кого-то стошнило и уборщица старательно устранила последствия. Он взял навощенный пакетик с апельсиновым соком и булочку без начинки – и то и другое, как он и рассчитывал, оказалось абсолютно безвкусным. Он откусывал булку маленькими кусочками и ел медленно. Спешить

некуда, думал он: в палате наверху все равно ничего не изменится, хотя он не пожалел бы чего угодно, чтобы все опять стало так, как было до его дня рожденья.

Но он ошибался.

Генри понял это, как только открылись двери лифта и он ступил в коридор на этаже, где лежал его брат. Мимо него промчался врач в белом халате, а на посту дежурной сестры никого не было. Генри бегом кинулся к палате и, повернув за угол, увидел родителей. Они стояли перед дверью – мать держалась за отца – и заглядывали внутрь. Рядом с ними, придерживая обоих, стоял отец Бревуд. Тот врач, что бежал, протискивался мимо них в палату. А звуки, которые доносились оттуда, ужасные звуки…

Запах дезинфектанта из кафетерия подкатил к горлу, и Генри вырвало.

Когда Генри увидел Франклина в следующий раз, поперек груди у него была туго натянутая лямка. Правую руку тоже пристегнули к кровати. Генри в голову пришла мысль: левую руку пристегивать не понадобилось, потому что ее больше нет. Интересно, где она? Он снова подошел и сел к брату на кровать. Потрогал тугие лямки.

В палату опять вернулся доктор Джайлз. У Франклина был припадок, пояснил он. Мозг продолжает отекать. Теперь повреждения могут оказаться более обширными. Сканирование покажет, нужна ли операция, чтобы затормозить патологический процесс. Все посещения пока отменяются. Больного нельзя тревожить. Будем надеяться на лучшее.

Генри не мог сказать, шел ли день быстро или тащился устало, кое-как. Принесли результаты сканирования с заключением «неопределенная мозговая активность». После короткого совещания Франклина немедленно отправили на операцию, чтобы снизить внутричерепное давление. Ожидание длилось примерно вечность. Наконец его привезли обратно – голова обмотана ярко-белыми бинтами, глаза закрыты. Все следы крови на лице и ногтях исчезли.

– Иногда сканограмму бывает просто невозможно расшифровать как следует, – сказал доктор Джайлз. – Но через сутки нам станет известно больше. К тому

времени мы проведем еще одно обследование.

И снова оставалось только сидеть на кровати брата, трогать пальцем тугие лямки.

Обед в больничном кафетерии. Толстый ростбиф с густым соусом. Кукуруза из банки, морковь из банки – одинаковые на вкус.

И все это как будто совсем не занимало времени, потому что времени вообще не было. Было только Теперь. В больнице, где прочно поселилась Беда.

Этим вечером Генри отправился домой вместе с родителями. Его удивило, что мир остался практически тем же, каким был до его отъезда в больницу. Удивило, что он сидит в знакомой машине, едет по знакомым улицам, вылезает в гараже, переделанном из бывшей каретной, идет в дом через заднюю дверь, поднимается по лестнице, заходит в свою комнату. Как это может быть, чтобы изменилось все и при этом не изменилось ничего? Он открыл окно, и в лицо ему пахну?ло чистым, соленым морским воздухом. Он слышал, как волны накатывают на черные утесы в бухте, одна за другой. Встающая луна ярко посеребрила испод облаков, отделив их от черноты.

Генри лег на кровать и нечаянно заснул.

Ему снова приснились Ворота. Его брат шел впереди, все время впереди, поддергивая рюкзак на плечах. Он обернулся к Генри. «Я знал, что ты сможешь», – опять повторил он.

И Генри ужасно захотелось сказать ему что-нибудь. Хоть слово, чтобы он знал, как это здорово – быть на горе вместе с ним.

Что-нибудь такое прекрасное, чтобы они оба расплакались.

Но когда он открыл рот, оттуда вырвалось только: «Неопределенная мозговая активность». И тогда, еще во сне, Генри и вправду заплакал, а волны внизу всё разбивались и разбивались о черные каменные уступы под их домом.

2.

Утром – какой это был день? среда? или он уже запутался? – так вот, утром Генри спустился вниз и нашел снаружи, перед дверью черного хода, вчерашнюю «Блайтбери кроникл», а рядом с ней – свежую, сегодняшнюю, которая еще не успела отсыреть. На первой странице вчерашней газеты была фотография Франклина, добытая в спешке тем самым пронырой-репортером, и Генри с невольным уважением подумал, что не всякий на его месте смог бы так быстро навести камеру на резкость и сделать снимок. Часть спины Генри на изображении закрывала аппарат за изголовьем кровати, а еще внизу был чей-то локоть – наверное, одного из полицейских. Однако все это не мешало видеть брата Генри. С этого угла не было заметно, что у Франклина нет руки, но заголовок – «Ученик из Лонгфелло теряет руку в дорожной аварии и ждет трепанации» – услужливо восполнял этот пробел.

Генри не стал читать статью.

Зато он прочитал статью во второй газете, потому что там фотография была другая. Ее взяли из ежегодного альбома выпускников, и с нее напряженно смотрело темноволосое, темноглазое лицо, обладатель которого, похоже, не привык появляться на людях в костюме и при галстуке, а потому не очень хорошо знал, как надо держаться в таких случаях.

«Чэй Чуан из Мертона – обвиняемый по делу Смита», – гласил заголовок.

Генри прочел всю статью и, дойдя до конца, обнаружил, что не запомнил ровным счетом ничего – кроме этого темноволосого, темноглазого лица. Тогда он перечитал ее снова. Чэй Чуан. Подготовительная школа имени Генри Уодсворта Лонгфелло. Родители – иммигранты из Камбоджи. Строительная фирма в Мертоне. Один брат. Возвращался домой после отгрузки кровельного шифера. Заснул за рулем. Не заметил бегущего трусцой однокашника.

«Нет, не трусцой», – прошептал Генри себе под нос. Потом выбросил обе газеты в мусорное ведро в гараже, пока отец с матерью их не увидели. На кухне он поджарил себе яичницу из трех яиц. Сделал тосты. Налил свежего апельсинового сока. И все это имело вкус консервированной кукурузы из больничного кафетерия.

В голове у него промелькнула смутная мысль о школе. Он не то чтобы твердо решил туда не ходить – сейчас у него вообще не хватало сил принимать какие бы то ни было решения. Но кто его туда отвезет? Он еще не видел Луизу после того, что случилось с Франклином, а родители до сих пор не встали. Так что он сложил грязную посуду в раковину и пошел в бухту, где пенистые гребешки маленьких волн, набегающих на пляж, были белыми, как молоко, почти такими же белыми, как небо на горизонте.

Он отвязал свой каяк от столбика с насечками для определения уровня прилива и вынул из его носовой части весло и спасательный жилет. Потом сбросил ботинки, закатал штаны, натянул жилет и вынес лодку на воду, где она закачалась на низких волнах. Залез в каяк, обмотал вокруг запястья весельную веревку и отплыл в молочно-белое море.

Генри толком не знал, куда отправится. Когда ему подарили каяк, он сразу же исследовал все побережье к северу от бухты, заглядывая в каждый крошечный заливчик. Позже он плавал и на юг – орудуя веслом, огибал лодочные причалы близ Манчестера и пробирался среди высоконосых яхт, а потом плыл вдоль частных пляжей под домами потомственной местной аристократии, к которой принадлежал и сам.

Но сегодня он быстро двинулся прямо в открытое море. Стояло раннее утро, и кто знал, как далеко он сможет уплыть? Он прогнал из головы все мысли, так что там осталась только неопределенная мозговая активность, похожая на легкую белую пену, и просто греб, чувствуя, как приятно и привычно напрягаются мышцы плеч. Он опускал весло в воду и толкал. Опускал и толкал. Опускал и толкал. Скоро он выйдет из прикрытия бухты на морской простор. Волны уже стали длинными и раскатистыми, и их белые гребешки чуть позеленели. Он вонзил весло в очередную волну, и его туманом окутали брызги.

Тогда-то он и услышал испуганный, полный отчаяния, тут же оборвавшийся визг.

Он повернул туда, откуда донесся этот звук, – в сторону мыса, который ограничивал бухту с севера и заканчивался крутым обрывом.

И снова услышал визг. В нем звучала паника. Безысходность. Дыхание океана почти заглушало его, но ошибиться было нельзя.

Вот опять!

И тут Генри увидел, что в море кто-то барахтается, вспенивая воду.

Он повернул каяк, направив его под более крутым углом к волнам. И сразу ощутил, с какой мощью они напирают на лодку, стараясь загнать ее обратно в бухту. Но он не менял курса, хотя волны уже перехлестывали за борт, и греб так, что брызги, поднятые носом лодки, летели прямо ему в лицо. Он знал, что если бросит грести, то сразу продрогнет: вода была еще по-весеннему холодна, особенно здесь, вдали от берега.

Он старался плыть как можно быстрее, потому что утопающий барахтался уже еле-еле, и Генри не знал почему: то ли он старается просто удержаться на поверхности, то ли вконец ослаб. Его голова едва выступала из воды и целиком скрывалась из виду почти под каждой волной. Было ясно, что скоро она исчезнет совсем.

– Держись! – крикнул он. – Я сейчас!

Голова пропала.

Генри заработал веслом изо всех сил.

Она показалась снова. И повернулась к нему.

Это была собака. С черной мордой. Увидев Генри, она тут же устремилась к нему отчаянными рывками, как будто думала, что можно бежать по воде, как посуху, – она выпрыгивала из волн чуть ли не целиком, потом падала обратно и снова выпрыгивала. Да еще пыталась визжать.

Собака!

Генри постепенно разворачивал лодку так, чтобы волны подталкивали его в нужную сторону. Его расчет оказался верен, и, когда Генри приблизился к собаке, она отчаянно взлаяла, ушла под воду, потом опять вынырнула, рванулась к нему, ушла под воду, вынырнула – и в невероятном последнем скачке вывернулась из воды и упала передними лапами и всей своей грудью на

нос лодки.

И немедленно вывалила из нее Генри.

Ухнув в море, Генри набрал в рот воды, невольно попытался ее выплюнуть и чуть не захлебнулся совсем. Тогда он быстро нащупал дно лодки, оттолкнулся от него вниз и вбок и вынырнул на поверхность. Каяк покачивался рядом с ним на невысоких волнах. Он ухватился за него, судорожно отплевываясь.

Собака исчезла.

– Эй! – крикнул Генри и тут же закашлялся. – Я здесь!

Сзади ему на плечи легли две лапы, и он снова чуть не захлебнулся.

Вынырнув опять, он схватил собаку за шкирку.

– Прекрати… – выдавил он из себя, задыхаясь, кашляя, отплевываясь, – прекрати сейчас же.

Она послушалась, но вместо этого попробовала вылезти из воды по груди Генри, точно по лестнице. Генри почувствовал, как ее задние ноги раздирают шнурки спасжилета.

– Прекрати… – кашель, плевки, – так тоже нельзя.

Тогда собака вернулась к варианту с лапами на плечах и снова погрузила его с головой в воду. Генри выпустил каяк, и он стал потихоньку отплывать от них в сторону.

Генри решил применить другую тактику. Откашлявшись как следует, он вдохнул поглубже, поднырнул под очередную волну – а это нелегко, если на тебе спасжилет, – и вынырнул позади обезумевшей собаки. Потом сгреб ее в охапку и потянул вниз. Когда они оба всплыли, в круглых глазах собаки застыл шок, и она выкашляла столько морской воды, что Генри удивился, как все это в ней поместилось.

– Теперь не дергайся, – сказал Генри. Одной рукой он подхватил собаку под грудь, а другой стал грести к каяку. Будь волны повыше, мелькнуло у него в голове, это грозило бы им… Бедой.

Слава богу, что они были пониже.

Добравшись до лодки, Генри закинул в нее руку, прижал борт локтем и, не отпуская собаку, заработал ногами. Двигаться таким способом оказалось очень непросто, и к тому времени, как Генри, собака и каяк достигли места, где гребни волн загибались на прибрежной мели, Генри уже прошибла дрожь. Собака тоже дрожала, причем так сильно, что едва могла плыть. Она смотрела на него с таким доверием, что ему стало неловко.

– Еще чуть-чуть, – сказал он.

Так и вышло. Две высокие волны подряд накрыли его и собаку – оба раза они вынырнули, кашляя и отплевываясь. Потом третья волна едва не перевернула его и собаку вверх тормашками – они вынырнули, кашляя и отплевываясь. Но именно эта волна и вынесла их туда, где Генри коснулся ногами дна, и он удержал собаку с каяком, когда море поволокло их назад, еще немного продвинулся к берегу со следующей волной, снова не дал морю их утащить, продвинулся еще чуть-чуть со следующей волной, повторил все это столько раз, сколько понадобилось, – и, выбравшись наконец на пляж Бухты спасения, без сил рухнул на песок.

Он посмотрел на свой дом. Родители, наверно, еще спали. Луиза, наверно, тоже.

И даже не догадывались, что Беда опять подкралась совсем близко.

Собака стояла кое-как, растопырив задние ноги, чтобы не шлепнуться набок. Она выгнула спину, судорожно извергая из себя остатки белой воды, – и ровно то же самое происходило с Генри. Он закончил раньше собаки и решил не трогать ее, пока она не очистит себе легкие. Вытирая губы и по-прежнему кашляя, он встал, пошел обратно в море, поймал каяк и вытащил его на сушу. Потом растянулся около него на спине и стал смотреть в небо, которое уже заметно поголубело.

Раньше оно никогда не было таким голубым.

Потом он увидел над собой черную морду с вывешенным языком – собака встала и подошла к нему. Она лизнула его и плюхнулась рядом на спину, все еще задыхаясь.

Они лежали вместе – мальчик и собака, – дыша тяжело и почти в такт, с соленым вкусом во рту. Иногда над ними пролетали чайки, и их крики подталкивали солнце ввысь. С моря тянуло прохладным ветерком – он ерошил одному волосы, а другой шерсть, но ни он, ни она этого не замечали. Песок под ними понемногу согревался.

Первым открыл глаза Генри. Небо было уже совсем синее. Он оперся на локоть и сверху вниз посмотрел на собаку, которая тут же открыла глаза и посмотрела на него. Такой уродины, подумал Генри, свет не видел. Морда вся побитая, в струпьях – и многие из этих струпьев содрались во время их отчаянного бултыхания и кровоточили. У нее не хватало порядочного куска левого уха, из-за чего вся морда казалась слегка перекошенной, и кончика правого. Подсыхая на солнце, ее черная шерсть – короткая! – становилась все более блеклой, а на ляжках и в задней части спины проступали желтые проплешины. Все ее ребра торчали наружу, хоть пересчитывай, а там, где кончалась грудная клетка, туловище сразу сплющивалось, как сдутый воздушный шарик. Проведя рукой по ее загривку, Генри почувствовал каждый позвонок так же отчетливо, как старые зазубрины на тесаных брусьях под их домом.

Похоже, эта собака жила не слишком далеко от Беды.

– Ну и зачем ты туда полезла? – спросил Генри.

Собака внимательно смотрела на него. Может, она искала на утесах чего-нибудь поесть и ненароком свалилась в воду, подумал Генри.

– Есть хочешь? – спросил Генри.

Собака молча смотрела на него.

Генри отряхнул песок, прилипший к ее морде. Он попробовал было стереть и кровь, но собака тут же отпрянула. Когда он встал, она торопливо вскочила, но с опущенной головой и поджатым хвостом.

– Пошли, – сказал Генри, но не успел он сделать и трех шагов к воде, как собака забежала вперед и завалилась перед ним на спину, выставив брюхо.

Генри нагнулся и почесал ее за ушами.

– Хватит дурака валять, – сказал он и прошел мимо. Еще три шага – и она снова очутилась перед ним брюхом кверху. Она лежала не шевелясь и внимательно смотрела на него.

– Прекрати, – сказал Генри, но на сей раз он сделал только два шага и снова чуть не споткнулся о собаку, которая лежала на спине и при этом все же умудрялась вилять хвостом.

Путь к воде оказался долгим, и когда они наконец туда добрались, Генри стоило немалых усилий поднять собаку на ноги и не дать ей снова шлепнуться на спину и выставить брюхо. Генри понимал, что она не полезет обратно в море, – и был прав, – поэтому он зачерпнул в пригоршню воды и вылил ее тонкой струйкой на кровоточащие раны. Собака не шелохнулась, только ее поджатый хвост напрягся еще больше. Генри поливал ей морду, пока вся кровь не отмылась, обнажив бело-розовую плоть.

Но собака так и не позволила ему дотронуться до ободранных мест.

– Ну и рожа у тебя, – сказал Генри.

Собака внимательно смотрела на него.

Генри отправился к лодке, чтобы привязать ее, – это заняло много времени, потому что через каждые три шага он натыкался на собаку, которая хлопалась перед ним на спину, и ему каждый раз приходилось нагибаться, чтобы не дать ей снова испачкать песком свою окровавленную морду. Она лежала около него кверху брюхом, пока он привязывал каяк, а когда он взобрался на черные утесы по дороге домой, она уже поджидала его там, лежа на спине в своей обычной позе.

– У тебя такой вид, как будто ты сроду ничего не ела, – сказал Генри. И пошел вокруг дома к черному ходу, а собака потрусила за ним. Голова ее была все так

же опущена, а хвост она просунула между задними ногами и прижала к брюху, поэтому выглядела как дворняжка, которую никто не любит, как одна из тех собак, что скитаются по помойкам и раздирают зубами и лапами мусорные мешки.

Когда Генри взялся за ручку двери, собака перестала хлопаться на спину. Замерев, она стояла рядом с ним и, глядя вверх, словно даже приподнявшись на цыпочки, дожидалась, пока он откроет дверь. Но Генри знал, что родители никогда-никогда, ни за что на свете не разрешат пустить в дом собаку. Это было исключено. И уж тем более такую безобразную, драную, от которой теперь стало еще и пованивать, будто она действительно шлялась по помойкам.

Она внимательно смотрела на него.

– Стой тут, – сказал Генри. – Сейчас чего-нибудь принесу.

Но в этот раз она и не подумала его послушаться. Стоило ему приоткрыть дверь, как она сунула туда нос и мигом просочилась внутрь. «Нет!» – сдавленным шепотом выкрикнул Генри, но она уже потрусила дальше, громко цокая когтями по сосновому полу и стуча хвостом – который впервые выпростала из-под живота – по стене, так что на ней оставались мокрые пятна.

– Ах ты чучело, – сказал Генри.

Но собака пропустила это мимо ушей и отправилась туда, куда вел ее расцарапанный нос, из прихожей по коридору – цок-цок-цок когтями по полу, да так громко, что ее, должно быть, слышали все в доме, – прямо на сияющую кухню, где она немедленно учуяла мусорное ведро под раковиной и остановилась, вежливо дожидаясь, пока Генри откроет дверцу, чтобы она могла его исследовать. Вместо этого Генри открыл холодильник и осмотрел его полки. Они были почти пустые, потому что в последние несколько дней никто ничего не покупал. На одной полке стоял именинный торт со взбитыми сливками, которые уже заметно пожелтели и сползли по краям. Еще были молоко и масло, а в поддоне – морковка, брокколи и пара головок салата. Все это собаки не едят. Однако в шкафу Генри отыскал тушенку. Собака жадно смотрела за ним. Он открыл банку, вывалил все в миску, и ободранная собачья морда очутилась в ней раньше, чем дно миски стукнулось об пол.

Ее хвост опять спрятался между ног.

Когда она закончила, Генри открыл ей вторую банку, и она взялась за нее, громко чавкая, так что брызги тушенки летели на шкафчики из светлого клена.

Скоро вся кухня пахла холодной тушенкой и мокрой псиной, поэтому Генри вовсе не удивился, когда вошел отец – в развязанном халате, небритый, непричесанный! – и стал принюхиваться. Он заглянул за стол, откуда доносились странные звуки, и снова потянул носом воздух.

– Пахнет так, как будто у тебя здесь собака, – сказал он. – Мокрая.

Его голос звучал напряженно.

Генри решил, что отпираться не имеет смысла.

Тем более что собака обошла стол и уселась, наклонив голову набок и выставив вверх то ухо, от которого осталась примерно половина.

Теперь у отца напряглось и лицо.

– Убери ее отсюда, – сказал он.

– Я ее только что спас. Она чуть не утонула в бухте.

– Зря ты это сделал. Не напрашивайся на неприятности, Генри… А ну брысь!

Последнее было обращено не к Генри, а к собаке, которая подошла понюхать отца Генри, дабы установить, представляет ли он какой-нибудь интерес.

– А ну брысь, – повторил отец. – Пошла вон, слышишь?

Собака подняла лапу.

И тогда отец Генри пнул ее с такой силой, с какой только можно пнуть ногой, обутой в шлепанец. Этого хватило, чтобы она отлетела по скользкому

каменному полу футов на пять.

Она даже не взвизгнула. Перестав скользить, она упала на спину, подняла вверх все четыре ноги и показала пузо.

– Зачем ты ее сюда притащил? – спросил отец Генри. – Кому нужна эта черная образина? Это не собака, а какая-то… чернуха. Лежит тут, вся драная. В крови. Да еще калека… – он остановился. Прислонился к столу и закрыл глаза ладонями. – Калека, – повторил он. Его тело задрожало – сначала тихонько, потом сильнее и еще сильнее, как большой дом, под которым зарождается землетрясение.

Потом рот у него открылся, и хотя оттуда не вышло никаких звуков, его беззвучные стоны наполнили всю кухню.

Генри обнял отца. Крепко. Очень крепко. Он почувствовал, как черная собака подошла к ним. Почувствовал, как отец нагнулся, чтобы почесать ее за оборванным ухом. Увидел, как собака от удовольствия потерлась мордой о развязанный отцовский халат, – и понадеялся, что отец не заметит крови и гноя, которые она там оставила.

Так они стояли втроем в кухне, и в это время случились две вещи.

Во-первых, Чернуха обрела дом и имя.

Во-вторых, зазвонил телефон. Это звонили из больницы.

Генри переоделся, пока его родители одевались. Когда он выскочил, отец уже успел подогнать БМВ ко входу.

– Собаку оставь в каретной, – сказал отец.

– Собаку? – спросила мать.

Они промчались по Блайтбери-на-море так быстро, что если бы городские полицейские не узнали машину Смитов, то остановили бы их еще на Главной

улице. Они доехали до больницы, взлетели по пандусу на парковку, почти бегом пересекли вестибюль, надавили на кнопку лифта и не отпускали ее, пока двери не открылись, и прибежали по коридору в палату Франклина, где три медсестры – две такие дюжие, что из них вышли бы неплохие игроки в регби, – держали брата Генри за руки и за ноги.

– Опять припадок, – сказала одна из сестер. – Чуть ремни не порвал.

Мать Генри села на кровать.

– Мы вкололи ему успокоительное, но были признаки, что вот-вот начнется еще один.

Мать Генри положила руку на грудь сына.

– Франклин, – мягко сказала она.

Он открыл глаза. Они блестели – ярко, свирепо. Сестры прижали его покрепче и расставили ноги, готовясь к новой жестокой борьбе.

Но Франклин не стал метаться. Он обвел взглядом все лица вокруг – быстро, затравленно. Как будто комната была полна чужаков и он мучительно пытался найти хоть одно знакомое лицо – то, которое бы что-нибудь для него значило.

И он его нашел.

Он посмотрел на Генри. Его глаза остановились на брате – они сверкали так, будто вот-вот вспыхнут огнем.

И он заговорил. С истовостью пророка. Он сказал Генри одно слово. Только одно.

Потом отвернулся к окну и стал смотреть куда-то далеко.

И вновь повторил то же слово, уже тихо.

Затем огонь погас, сверкающие глаза поблекли и закрылись, а напрягшееся тело опало. Но слово продолжало эхом звучать в комнате и в мозгу Генри.

Катадин.

Впервые он увидел ее, когда стоял на высоких лесах между штабелей шиферных листов. День клонился к вечеру; она вышла из дома с чашкой хлопьев в руке и направилась к утесам над морем. За несколько шагов до них она повернулась и помахала ему. Только помахала, и все.

Он помахал в ответ.

А его отец, для безопасности привязанный к крыше, велел ему не зевать и смотреть куда положено.

Так все и началось.

3.

Дом Смитов простоял на утесах над морем добрых три века, и за это время в него ни разу не ступала собачья нога. Ни разу! Прочные дубовые балки стойко выдерживали натиск всех сил природы. Землетрясения, ураганы, солнечные затмения, попадания метеоритов (их было два), молнии (четыре) – ничто их не поколебало. Порой дом подвергался испытаниям державной мощью, причем державы были разные: британские войска чуть не сожгли его, генерал Джексон по прозвищу Каменная стена[5 - Знаменитый американский полководец, сражавшийся на стороне южан в Гражданской войне 1861–1865 гг.] похвалялся, что устроит в нем свою штаб-квартиру, а капитан немецкой подлодки в годы Второй мировой прикидывал, обрушится ли он в море, если разнести подпирающие его скалы торпедой.

Но ему все было нипочем – пока не появилась Чернуха.

Поздно вечером, когда Генри и его родители вернулись домой из больницы, Чернухи не было в каретной, где Генри ее оставил. Каким-то образом она умудрилась повернуть щеколду и открыть дверь. Но это оказалось не самым грандиозным из ее свершений. Выбравшись из каретной, она обошла дом кругом, а поскольку заднюю дверь никто не запер – ведь дом построили далеко-далеко от Беды, – отодвинула щеколду и на ней тоже. Дверь так и стояла нараспашку, и Смиты перешагнули порог и двинулись по следам Чернухи с постепенно нарастающим ужасом.

Сначала Чернуха направилась в кухню – должно быть, потому, что уже знала туда дорогу. Там она стала открывать носом шкафчики, нашла, где хранятся продукты, и принялась вываливать на пол рыбные консервы, сеточки с луком, банки с маринованными овощами и яблочным повидлом и бутылочки с нью-гемпширским кленовым сиропом. Вскоре она обнаружила то, что искала, – банку арахисового масла с неплотно закрытой крышкой, – и вылизала ее дочиста, съев столько, сколько ей хотелось, а остаток размазав по каменному полу и шкафчикам из светлого дерева.

Затем Чернуха переместилась в библиотеку, залезла на письменный стол отца Генри – этот стол был старше самого дома, и когда-то за ним сиживал секретарь Оливера Кромвеля, – и наследила там своими масляными лапами. Оттуда она перепрыгнула на диван, погрузив когти глубоко в красную кожу – что ей, очевидно, понравилось, так как она прошлась по нему из конца в конец и лишь затем решила попробовать на вкус его левый подлокотник.

Оттуда Чернуха проследовала в южную гостиную и вытерла морду, на которой еще оставалось немного арахисового масла, о полотняный гобелен из Байё. Потом она села на пуфик у окна, дабы насладиться видом Атлантики. Однако сиденье, видимо, показалось ей недостаточно ровным, и она выдрала оттуда почти всю набивку. После этого она слезла на пол и попыталась изловить себя за хвост – по крайней мере, так предположил Генри, ибо царапины на итальянской плитке шли кругами.

Затем она поднялась на второй этаж и в заключение – кстати, еще чуточку арахисового масла все-таки сохранилось на ее лапах вплоть до этого момента, о чем свидетельствовал восточный ковер, – в заключение изучила коллекцию старинного китайского фарфора, расставленную здесь на полках еще в те времена, когда в Массачусетском заливе была английская колония. В результате синие чашечки на нижней полке едва не упали, сдвинутые к самому краю, и это

оказалось для родителей Генри последней каплей.

– Найди эту собаку и избавься от нее, – сказала мать Генри, с трепетом осматривая фамильный фарфор. – А потом – за уборку. Ведь это ты привел ее в дом, Генри. Тебе и отвечать.

Возразить Генри было нечего, и он отправился на поиски Чернухи.

Найти ее оказалось несложно, поскольку масляные пятна были хорошо видны на стенах коридора. Он снова подумал о том, какой арахисовый ураган она устроила на кухне – ураган, последствия которого были прекрасно видны, даже когда он наконец нашел ее, завернувшуюся в лоскутное одеяло на его кровати, уткнувшую свой масляный нос под масляный хвост и спящую крепким, счастливым и абсолютно безмятежным сном.

В комнате разило арахисовым маслом.

Он распахнул окна, но при первом же звуке Чернуха вскинула голову, навострила уши и заблестела глазами. Она спрыгнула с постели, волоча за собой одеяло, – «Ну вот что, Чернуха!» – закружила вокруг него, подпрыгивая от радости, – «Тебе придется…» – и наконец хлопнулась ему под ноги и выставила брюхо, – «А ну прекрати!» Она поболтала лапами в воздухе, дожидаясь, пока Генри почешет ее и скажет, какая она хорошая собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пригородный район Бостона. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Подготовительная школа – дорогостоящая частная школа, где готовят к поступлению в колледж.

3

Праздник в честь первых колонистов Массачусетса, который отмечают в США в четвертый четверг ноября.

4

Самая высокая гора в штате Мэн (1607 м).

5

Знаменитый американский полководец, сражавшийся на стороне южан в Гражданской войне 1861–1865 гг.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shmidt_geri/beda

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить